

В.А. Антонов-Овсеенко

Записки о Гражданской войне

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В.А. Антонов-Овсеенко
В11 Записки о Гражданской войне: Том 2 / В.А. Антонов-Овсеенко – М.: Книга по Требованию, 2013. – 302 с.

ISBN 978-5-458-46100-9

Знаменитый труд В. А. Антонова-Овсеенко о событиях Революции и Гражданской войны. После 1938 года (т. е. после расстрела Антонова-Овсеенко, как троцкиста) книга была изъята из всех библиотек свободного доступа и ныне является раритетом, непереизданным до сих пор, однако часто цитируемым исследователями Гражданской войны. В книге наличествуют редчайшие фото таких участников тех событий, как Сиверс, Саблин, Кривошлыков, Голубов и др., которые практически отсутствуют в историческом документообороте, фотокопии и комментарии Марченко И. А.

ISBN 978-5-458-46100-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТ АВТОРА.

Всего лишь около двух месяцев продержались мы на Украине под натиском австро-германских оккупационных войск. От берегов Днестра и верховьев Днепра до границ Днобласти — этот громадный путь отступления мы преодолели с чрезвычайной, почти рекордной, быстротой.

Конечно, мы имели перед собой подавляющие силы регулярных немецких войск. По исследованиям некоторых наших красивых генштабистов, гг. Венцова и Белецкого, германцы бросили на Украину, для ее оккупации, 21 пехотную дивизию, 2 кавалерийских и 1 кавалерийскую бригаду, австрийцы — 8 пехотных и 2 кавалерийских дивизии. Этот расчет паверное преувеличен.

Но даже если бы в австро-германском наступлении на Украину весной 1918 года участвовали не 30, а 15 дивизий (крайняя степень допустимой поправки), то и этому планомерному натиску двухсоттысячной регулярной армии, сопровождаемой десятками тысяч иррегулярных гайдамацких банд, мы в пору наибольшего развития своих боевых сил могли противопоставить не более 20 000 бойцов.

Однако, одним этим фактом гигантского несоответствия борющихся сил объяснить столь быстрого нашего поражения невозможно.

Последующее изложение, основанное на точных документах, дает материал для ответа на вопрос: в чем причины столь разительных наших неудач? Только учтя эти причины, только изжив громадные недочеты в организации наших боевых сил и руководства ими в первый период гражданской войны, мы могли построить ту Красную армию, которой по справедливости гордится наш Союз.

Составление этого тома «Записок о гражданской войне» было до крайности затруднено хаотичностью материалов и иногда отсутствием самых необходимых документов. Многие документы погибли при эвакуации нами Харькова; почти никто из командующих «армиями» не представил письменных обоснованных докладов боевых операций. Чрезвычайно скудны данные о противнике и невероятно сумбурны сведения о состоянии наших сил.

Уже по одной этой причине настоящая работа не могла бы стать серьезным историческим исследованием. Задача автора была скромнее: дать связанное, подкрепленное подлинными документами, изложение нашей борьбы на Украине в марте-апреле 1918 года против австро-германских оккупационных войск.

В нашем распоряжении были архивы «ликвидационной комиссии» «украинских армий» и материалы, предоставленные некоторыми участниками описываемых событий. Товарищи Барабаш, Белепкович, Казюра, Малаховский оказали существенную помощь при разработке этих документов. Приношу им за это товарищескую благодарность.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Боевые резолюции. Фронт уходит, немцы наступают, радио успокаивает. Киев занят. Междуусобида. Дезорганизация. Призыв Кривдонбасправительства. Указание Ленина. Протест против общей демобилизации. Сговор с советским правительством Украины. Первые расхищения. Соглашение с чехословаками.

«Капитуляторская часть партии большевиков опирается на деклассированную часть армии, а пролетариат в массе своей и также социалистическое крестьянство твердо стоят на позиции революционного социализма, требующей вооруженного отпора интернациональному империализму».

Это — из воззвания Центрального комитета левых социалистов-революционеров в конце февраля 1918 г. Поддержанные «левыми коммунистами» (Бухарин, Радек и т. д.), левые эсеры производили большой шум за провозглашение «революционной войны» германскому империализму. Без конца раздавались трескучие речи о «предательстве революции», о необходимости «погибнуть», но не уступить пред натиском «оголтелого империализма», непрерывным потоком текли телеграммы о готовности бороться против немцев.

Ленин, во главе «капитуляторской части большевиков», спокойно отмечал: «если б столько дисциплинированных полков, сколько резолюций в пользу войны, то мы могли бы воевать с империалистами всего мира». Боевые резолюции текли потоком, и потоком текли солдаты с фронта.

Петроградский комитет революционной обороны посылал 1 марта следующий приказ:

«Всем начальникам революционных отрядов линии Петроград, Дно, Могилев, Киев, Главкозапу Смоленск, Главкосоу,

всем, всем. Результате происходящих на фронте событий наблюдается массовый наплыв солдат, бегущих от неприятеля, загромаждающих железные дороги. Донесениям железнодорожных агентов, солдаты захватывают поезда, разбивают составы, расхищают грузы, угрожая всем сопротивляющимся оружием. Предписывается всем начальникам отрядов, также всем комиссарам и начальникам станций, в чем распоряжении находится вооруженная сила, останавливать и обезоруживать бегущих. Отобранное оружие сдавать в ближайшие склады. Не желающих вступать в ряды красной армии направлять, обязательно минуя Петроград, ближайшим воинским начальникам, для дальнейшего направления по губерниям. Неповинующих, не сдающих оружие или угрожающих применить вооруженную силу расстреливать на месте без суда. Члены комитета: Крыленко, Благовров, Свердлов».

Приведенный приказ едва-едва дает представление о том великом «исходе окопного народа», который развернулся к этому времени. Ведь весной уже поваяло. Ведь в деревне помещичью землю начинают делить. До войны ли тут? До империалистических ли угроз?

Земля звала — фронт уходил.

Третьего марта ВЦИК большинством 116 против 85, при 25 воздержавшихся, высказался за подписание мирного договора с Германией, и мир был подписан нашей делегацией. Ратификация его назначена была на 18 марта. На 12 марта созывался экстренный Съезд советов, который и должен был окончательно решить вопрос о мире.

Борьба вокруг мира особенно обострилась в ожидании этого съезда. Между тем, немцы успели захватить Нарву, Псков, Минск, Гомель. Наступление их на Украину развертывалось систематически. На правобережье Румчерод только-что заключил мирный договор с Румынией, которая обязалась очистить Бессарабию, но за отступавшими румынскими войсками уже вырисовывались четкие ряды австро-германских регулярных частей.

Наш Румынский и Юго-западный фронты были в полном разложении. Никакой реальной силы противопоставить немедленному нашествию они не могли. Лишь Ревком 7-й армии развивал некоторую организационную работу. «Социалистический отряд» т. Киквидзе задержал на фронте Бердичев — Житомир лишь на пару дней гайдамацкие авангарды. Киев проявлял растерянность,

беспомощность, пропускал без остановки целые массы еще спящих частей. Никакой попытки их переформирования или хотя использования их материальных средств.

Радиотелеграф, между тем, успокаивал:

«Петроград, 1 марта.

Севернее Волочиска наступление немцев широким фронтом. Направление восток-юго-восток: Луцк, Ровно, Коростень, Киев, Лушинец, Мозырь, Гомель, Шепетовка, Житомир, Казатин. Характер наступления: впереди организованные отряды гайдамаков смешанного состава, большим участием офицеров русских, германских, украинских, австрийских, польских, мадьярских. За ними идут гайдамакские войска, передовые гайдамакские части, поддерживаемые двумя германскими полками, из них один кавалерийский, кроме того отрядами самокатчиков и броневиками. Имеются сведения о начавшейся вражде между гайдамакскими частями. В Шепетовке на этой почве едва не разыгралось между ними вооруженное столкновение. Южнее линии Житомир, Шепетовка, Ровно, Волочиск — спокойно. Наблюдается некоторое движение гайдамаков с юга к Староконстантиновке. В районе седьмой армии из Австрии, через мадьярские войска, прорвался польский революционный легион, захвативший «обозы мадьяр и с оружием стал на сторону советской власти. В районе Проскурова советскими войсками разоружен и расформирован польский отряд, обнаруживший двусмысленную позицию».

...«Петроград, 2 марта.

Сосредоточивающиеся в Киеве гайдамаки из Коростеня остановлены, встречены боем и взрывом моста. Здесь сейчас даво распоряжение встречать наступление к Житомиру. Гайдамакские части двигаются к Бердичеву. Наши отряды социалистической армии в трехдневном сражении три раза ходили на офицерские отряды противника, затем сосредоточились за Казатином на Киев. С Житомира на Киев походным порядком идут две наши дивизии — кавалерийская и чехословацкая. Чехословаки после переговоров решительно стали на нашу сторону, обросли с себя свои здешние буржуазные национальные советы и образовали свой совет. Чехословаков две дивизии, тысяч по 25, из-за Диспра продвигаются к Киеву, из Житомира отступают к Киеву, арьергардные стычки, сейчас они верстах в 50 западнее Киева».

Подобные сообщения о несерьезном характере немецкого похода, о польском легионе и чехословацком корпусе, будто бы вставших на нашу сторону, удовлетворяли потребности в самозащиты, но были весьма далеки от истины.

В том же духе были выдержаны и некоторые призывы Нарсекретариата Украины. Таково, например, мною уже приведенное (в 1-м томе «Записок») обращение Нарсекретариата. Призыв к организации вооруженного отпора вторгающимся империалистским войскам здесь подкреплялся обещанием, что по подписании мира оккупационные немецкие войска уйдут с Украины и гайдамацкие банды будут предоставлены самим себе. Нарсекретариат не мог не знать, что немцы уже подписали мирный договор, но только не с «советами», а с Радой, и во исполнение этого договора вторгаются на Украину.

Пока мы так самоуспокаивались, немцы наступали, а «фронт» уходил.

2 марта член военного совета первой армии Флоровский сообщал: «Примите меры к обороне Знаменка — Фастов. 1-я армия уходит без боя». В то же время 8-я армия погружалась в эшелоны, также отказавшись от сопротивления. 2-я, 4-я, 6-я армии Румфронта, обезоруженные румынами, бегли дезорганизованными толпами «домой», осаждали редкие поезда, проносили вглубь Украины одну весть: «копец войне!»

А немцы наступали.

«Донецкий Пролетарий» (в Харькове) от 1 марта сообщал: «Редакция вчера в 3 часа дня делала попытку разговаривать по прямому проводу с Киевом.

На просьбу соединить с Центральным исполнительным комитетом был получен ответ: «у нас такого нет».

Представитель редакции попросил совет к аппарату. Киев ответил: «Еще раз повторяем, в городе никакой власти нет. Повинили?» Разговор прервался.

Из Киева по прямому проводу сообщили, кроме прерванного разговора, что Секретариат Украины в ночь с 27 на 28 выехал из Киева неизвестно куда. В городе в связи с этим полный хаос.

На следующий день в «Донецком Пролетарии» опубликовано следующее извещение:

«Всем советам рабочих депутатов на Украине.

Имея перед собой превосходную в числе армий противника и не желая давать в городе Киеве бой, мы решили отступить на

время за Днепр и оставить Киев. Рабоче-крестьянское правительство Украины выехало в Полтаву. В Полтаве мы формируем отряды для борьбы с германо-винниченковской бандой. Все советы должны направлять свои вооруженные отряды в этот город. Спешность и энергия прежде всего.

Народный секретарь Коцюбинский».

2 марта Киев был занят немцами, 3 марта была занята Жмеринка. Гайдамацкие шайки проникли глубоко вдоль Днепра. Все контр-революционные силы радостно всколыхнулись на-

М. А. Муравьев (в форме подполковника старой армии).

встречу немецкому наступлению. По Украине прокатилась волна противосоветских манифестаций. Железнодорожники ст. Авдеевки требуют «учредилки». В Люботине, в Славянске — вооруженные выступления кулачества. В Ростове, в Екатеринославе — демонстрации за «учредилку», попытки разоружения красной гвардии.

Натиск контр-революции возрастал. А наше сопротивление расстраивалось междоусобицей.

Муравьев в радиограмме от 3 марта, из Одессы, обвинял Народный секретариат Украины и особенно т. Коцюбинского — Народного секретаря по военным делам — в «узком национализме

и местном патриотизме», в деморализации армии и т. д. и на Народный секретариат изваливал ответственность за разложение армии и сдачу Киева «без боя»; в частности, обвинял Коцюбинского в поддержке «самозванного комитета первой советской красногвардейской армии», во главе которого стоят Моисеев и Лапидус и который арестовал командира первой советской армии Егорова, ехавшего в Петроград по вызову Совнаркома. Муравьев требовал ареста членов указанного комитета и тов. Коцюбинского.

В таком же духе еще пара телеграмм от Муравьева.

Со своей стороны, Коцюбинский и члены съезда первой армии прислали жалобу на Муравьева, арестовавшего членов армейского комитета первой армии, Моисеева, Чернова и Лапидуса, и обвиняли Муравьева, не без основания, в полной дезорганизации обороны Киева, в непомерном высокомерии, в попытках диктаторства, в великорусском шовинизме.

Нельзя было допустить развития этого раздора. Я распорядился освободить Егорова, а также Моисеева, Чернова и Лапидуса; Муравьеву телеграфировал 3 марта: «Телеграммы, подобные вашей, о причинах падения Киева, лишь увеличивают деморализацию. Народный секретариат есть верховная власть на Украине. Ошибки, творимые им, можно поправить лишь беззаветной работой с ним, во имя общего дела. В грозный час наступающих революционных испытаний будем держаться единым фронтом, поднимая общий дух своим примером».

Муравьев тотчас же отвечал: «Я принимаю все меры к единению, это доказывает ряд телеграмм, посланных Коцюбинскому о связи и взаимной поддержке. Его оперативный штаб до сих пор помимо меня сводился с армиями Рум-фронта. Что касается до поднятия духа, вы в этом не можете сомневаться. Если бы вы знали, в каком критическом положении нахожусь благодаря бегству регулярных войск из Жмеринки и занятию ее австро-германцами. Я отрезан почти от центра, у меня один выход — погибнуть. Весь юг я старался поднять, но это не север, — пролетариат Одессы не дал мне ни одного батальона, и я чудом держусь и еще наново короткие удары».

Одновременно Муравьев сообщал: «Регулярные войска отказались сражаться, и у меня имеется в распоряжении только несколько сот красногвардейцев. Одесский совет не дал ни одного

батальона.¹ Вследствие политической незрелости и бессознательности одесского пролетариата регулярные войска бросили Жмеринку, которая занята противником. Немецкие колонисты и пленные по Днестру нападают на наши части. Положение критическое, ибо нигде не получаю подкрепления, денег нет, нет составов для поездов. Принимаю все меры, чтобы спасти положение, кругом измена. Примером служит посылка закупоренных ящиков с патронами, оказавшимися без пороха. Принимаю против всех саботажников самые жестокие меры, не останавливаясь перед уничтожением».

В последней вспышке угасающей энергии Муравьев одновременно выпустил такое воззвание, с копией Петроград, Крыленко, Антонову: «В виду занятия австро-германцами ст. Жмеринки, революционные армии Румынского фронта составляют с армиями, действующими на Украине, единый фронт. Призываю нас, как старых добрых друзей, видевших мою деятельность по закреплению советской власти на Украине, объединиться для совместной борьбы с наемниками-жандармами европейского капитала и с изменниками Украинского народа — гайдамаками, буржуазией. Все мои силы, вся моя энергия и все, что могу дать, — все отдаю для борьбы за советскую власть и революцию. Станем все, как один, под красное знамя революции. Верю в наше правое дело и верю в успех. Недолго врагам праздновать свою победу. Мы нанесем им такие же тяжелые удары, как наносили в первом походе на Киев. Итак, дружно вперед!»

Меж тем, дезорганизация росла и на Киевском направлении. Из-под Конотопа сообщали в штаб Наркома в Ростов 3 марта:

«Потеряна всякая связь с ком. фронтами, войсками. Из-под Киева и Гомеля позорно бегут, бросая склады, по дороге производят дебош, положение безысходное. Необходимо немедленно назначить главнокомандующего. Спешите мерами, будет поздно».

Из Харькова 4 марта по прямому проводу:

«Харькову грозит серьезная опасность со стороны наступающих гайдамаков и австрийцев. Наступают баварская и вюртембергская дивизии, фронт в 150 и 200 верстах от Харькова. Серьезного отпора наши силы противнику оказывать не

¹ Это было несомненным преувеличением, как выяснится из дальнейшего изложения.

могут. В Харькове образовался чрезвычайный штаб, на обязанности которого лежит мобилизация всех революционных сил Донецкого бассейна. Принимаются самые решительные меры, но вряд ли можно надеяться на то, чтобы из этого что-нибудь вышло. Шлите к нам отряды, надобность в которых у вас отпадает. Здесь одно спасение видят в вас. Если вы не согласитесь, то с нашей работы ничего не получится. Надеюсь, что задержать противника нам удастся, работаем день и ночь. Местный совет, не учитывая момента, все время враждует против Совета народных комиссаров. Член чрезвычайного военного штаба военком Коляденко».

Но мы из Ростова собирались на север, еще не зная о решении Совнаркома согласиться на германские условия мира. Озабоченность об обороне Украины проявлялась нами лишь в попытках наладить отношения Муравьева с Нарсекретариатом и воздействовать на Совнарком Кривдонбасреспублики.

2 марта Совнаркому Донбаса послана телеграмма:

«Дорогие товарищи, прошу вашего немедленного распоряжения о мобилизации всех рабочих, могущих покинуть рудники и мастерские без вреда для производства. Прошу распоряжения о введении трудовой повинности и других распоряжений в соответствии с постановлением Совета народных комиссаров. Ожидаю немедленного ответа».

На следующий день предсовнаркома тов. Васильченко ответил обращением ко всем совдепам и ревкомам Донбасреспублики:

«Ростов-Дон, Наркому Антонову, военно-революционным комитетам, в Никитовку, Юзовку, Бахмут, Луганск, Таганрог, Горловка, Дебальдово, вне всякой очереди, срочно, военная».

«Товарищи, враг очень близко и уже угрожает Донецкому бассейну. Немедленно все вооруженные отряды направляйте в Харьков. Являться за распоряжением на Сумскую, 13. Средства берите у капиталистов, пользуйтесь самым широким правом реквизиции, организовав для местной охраны отряды. Вводите трудовую повинность, чтобы работы не прекращались, контрреволюционеров арестовывайте, при сопротивлении расстреливайте. Совет Наркомов Донецкой республики. За председателя Васильченко».

Мы рвались на север, и уже отдан был приказ отрядам Сиверса и Саблина следовать к Москве, но 4 марта я получил